Татьяна Веденская

Наполовину полная чашка

Часть сборника
Как я изменил свою жизнь к лучшему

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Татьяна повествует о необычном опыте переполненной событиями жизни, о странствиях юности, о любви к семье, которая, как она уверяет, в конечном счет ее спасла. Искренность, умение посмеяться над собой, оригинальный взгляд на самые простые вещи – вот что отличает ее книги. Татьяна уверена, что выход есть даже из безвыходных ситуаций, и она показывает его через увлекательные истории своих героев.

- Татьяна Веденская
  - ○

Татьяна Веденская
Наполовину полная чашка

Теннисный локоть! Господи боже мой, это что еще за напасть на мою голову? Кому вообще может прийти в голову начать играть в теннис почти в сорок лет? Абсурд! Во всем виновата моя наивность, граничащая порой с откровенной глупостью. Нелепая, ни на чем не основанная, иррациональная уверенность в том, что все мне по плечу, *стоит только очень сильно захотеть!* Что ж, спешу склонить голову и признаться: все это точно про меня.

Медики не знают точно, что это за ерунда такая – «теннисный локоть».

Просто играешь себе, играешь. Отбиваешь удары, как можешь. Со стороны я, наверное, похожа на бегающий по игровому полю бешеный шоколадный батончик в черных трикотажных спортивках, но удовольствия – море!

Время от времени ловишь себя на странных мыслях. К примеру, что теперь ты отлично понимаешь свою собаку, которая так любит, чтобы ей кидали мячик, а она бегала за ним. Потому что ты сама точно так же не можешь остановиться, играешь и играешь, а ведь нельзя, надо беречься, после стольких-то неспортивных лет да неправильного образа жизни. Конечно же, будет «теннисный локоть»! Или по-научному – латеральный эпикондилит.

Болит справа, прямо над косточкой, где прикрепляется мышца предплечья. Чертовы медики пишут в Интернете, что теперь точно не играть как минимум недели три. Это если все пойдет хорошо, и я буду хорошей девочкой, и буду принимать горячие расслабляющие ванночки с солью, для которых я уже приспособила тазик. И накладывать мази. И массажи делать самой себе. Но и потом надо будет играть аккуратненько, понемножечку…

Но я все равно буду играть! *Потому что я так хочу*. Потому что это изменит мою жизнь к лучшему.

Никогда раньше я не задумывалась над тем, что и как я делаю, чтобы добиться победы. Когда мне говорят об успехах, которых я достигла, мне хочется обернуться и посмотреть: к кому это такому интересному люди обращаются? Потому что это все не про меня.

Я никогда специально не ставила никаких целей, я вообще не из тех людей, у которых есть хороший жизненный план. Я из тех,

кто в шестнадцать лет ушел из дома. Всю мою жизнь скорее можно сравнить с тем, как человек продирается через острые спутанные колючие кустарники и топкие болота на ровное место, где он сможет наконец перевести дух.

Но со стороны это, оказывается, выглядит по-другому.

Благополучие и успех. Ха! Помню, когда я еще работала юристом, одна моя клиентка, проходившая через тяжелый, изматывающий развод с мужем, который пил, дрался и угрожал всеми карами небесными и физической расправой, однажды пожаловалась, всплеснув руками: «Это все так ужасно, вы, Танечка, не поймете, с вами же никогда ничего такого не случалось. Такие вещи оставляют отпечаток на всю жизнь. Не дай вам бог побывать на моем месте!» Помню, как я тогда удивилась. Потому что – да, я совершенно согласна с ней: такие испытания оставляют следы и на душе, и на теле. Поэтому-то я и была уверена, что моя клиентка заметит их у меня. Я была уверена, что это видно всем.

Я никогда не хотела быть красивой. У меня проблемы с самооценкой, и каждый раз, проходя мимо зеркала, я думаю: господи, ну что это? Какая-то нелепость… Я хотела быть счастливой, я хотела любви. Обычная, нормальная женщина, в конце концов.

Тогда, в юности, мне и в голову не пришло бы захотеть стать писателем. Встретить человека, полюбить, родить ребенка, жить долго и счастливо – я хотела этого так сильно, что была готова полюбить любого. Иными словами – отдаться недорого в добрые руки. Вот только руки попались недобрые… Это было следствием моего юношеского интереса к игре на гитаре и желания петь. А также трагических событий, весьма подробно описанных в книге «Алиса, или Зеленый Подъезд», о которых я не хочу и не люблю вспоминать. А поэтому и не буду. Лучше сделаю скачок во времени и скажу, что мой первый муж – хороший, добрый человек, тоже, к слову, музыкант – так сильно отбил у меня интерес к музыке, что до сих пор я гитару в руки не беру. Еще он выбил мне челюсть, неоднократно подбивал глаз, и однажды, когда пытался задушить меня, немного повредил что-то в шее. Это травма ощущается мною до сих пор…

Такое не может не оставить следа. Но это можно пережить. Оставить позади, двинуть свою жизнь вперед, захотеть чего-то большего. *Нужно мечтать*. Например, стать врачом.

Самое трудное для меня тогда было – это верить в то, что моя треснутая чашка с отбитой ручкой все еще наполовину полная.

В домашнем насилии ужасно то, что оно опустошает тебя, грызет изнутри, и тихий шепот твоего любимого, говорящего о том, что «это ты меня довела, ты такая плохая…» остается в твоей памяти навсегда. Хотели ли вы развода так, как хотела его я?!

Девятнадцать лет, одна, разведенка с дочерью на руках. Милые, наполненные свободой и вседозволенностью девяностые, дававшие большие перспективы тем, кто знал «все входы и выходы». Именно тогда наши олигархи сколотили свои миллиарды, завоевывая заводы и фабрики.

А мы с дочерью голодали. Ни работы, ни образования, ни жизненного опыта, ни денег. Если бы не мой отец, пропали бы мы тогда.

Казалось бы, ну чего хотеть в такой ситуации? Нужно выкручиваться как-то, нужно крутиться… Хватит мечтать, пора спуститься с небес на землю. Пора понять, как устроена жизнь. Но я мечтала о том, чтобы стать врачом.

Леший его знает, почему. Скорее всего, просто потому, что мне жизненно необходимо о чем-то мечтать. Это как у птиц, которые если не летят, то падают. Мой брат купил мне учебник по химии и учебник по биологии. Я читала их по ночам, когда моя дочка спала.

Могло ли из этого что-то получиться? Да что вы, нет, конечно. Ничего и не получилось. Я не сдала вступительные экзамены в институт, но зато я сдала вступительные экзамены в жизнь. Почти год подготовки! Я решала задачи по химии с соседом по подъезду. Я учила наизусть формулы и разбиралась в селекции.

Мой первый брак уже ничего не значил для меня. Не поступила в вуз, но не отчаялась: устроилась на работу – на кафедру микробиологии. И очень скоро у меня появились новые друзья и новые интересы.

Проработав полгода лаборантом, я буквально ожила и возродилась из пепла моего кошмарного прошлого: бродяжничества, несчастливого брака, бесприютности, одиночества. Так что, как посмотреть: чашка наполовину пуста или наоборот?

Я не стала врачом, зато поверила в себя и в то, что завтра будет новый день. Еще я не стала лучшим продавцом автомобильных экологических сертификатов, потому что, проработав в фирме по их продаже несколько месяцев, я ушла в другую фирму, риелторскую.

Я очень хотела обеспечить себе и дочери достойную жизнь. Я ни разу не стала риелтором года, хотя эта профессия и кормила

меня десять лет кряду. Я получила бесценный опыт, а некоторые из моих клиентов до сих пор позванивают, чтобы узнать, как я живу. Одна из них даже, заразившись моей уверенностью в том, что «все будет хорошо», и философией *«какого лешего, если хочется чего-то, не сделать это!»*, написала книгу. И ее уже издали.

Странно? Закономерно! *Если человек чего-то хочет и что-то делает, из этого может что-то и выйти.* Может и не выйти. Да, есть такой риск, и никаких гарантий.

Я так и не стала юристом «всерьез», хотя и имею профильное образование. Я не стала адвокатом. Я не стала ученым-нейробиологом.

Я не полетела на Луну, хотя ничуть не возражала бы против космической одиссеи. Если бы из всего, что из меня не вышло, сделать справочник, то по нему школьники вполне могли бы выбирать себе будущую профессию, но меня это нисколечко не волновало. Я хотела чего-то – и я пробовала это, я получала результат – и двигалась дальше. И в конце концов у меня кое-что получилось.

Кое-какое масло все-таки взбилось из этой белой сметаны, из всего этого пестрого, как лоскутное одеяло, жизненного опыта и размышлений.

Я стала писателем. Одно попадание из сотни, но мне большего и не надо.

Потому что это было мне интересно. Потому что это могло изменить мою жизнь к лучшему. А еще – сейчас, после всех этих лет и долгих размышлений, мне кажется, что это было неизбежно.

В какой-то момент я ужасно захотела попробовать написать книгу. Я как раз тогда училась в институте на юрфаке. Я все делаю задом наперед, такова уж моя натура.

Я вышла замуж, родила, развелась и осталась у разбитого корыта уже к девятнадцати годам. После этого я стала работать как сумасшедшая, вышла замуж и родила снова. Затем я забеременела в третий раз. И, узнав об этом, я решила: пожалуй, это отличный повод сделать свою жизнь еще лучше, еще веселей и интереснее! Таким образом, будучи беременной в третий раз, я поступила в институт на юридический факультет.

Первую сессию я сдавала за месяц до родов. Надо признать, что такое интересное положение, безусловно, дает тебе некоторую фору перед преподавателями. Ну, кто поставит двойку женщине «на сносях»! А дальше, курсе на третьем, я решила, что этого мне недостаточно и что пришло время попробовать что-нибудь написать. Времени было мало, его катастрофически не хватало, дома были муж и дети, а значит, писать удавалось

только по ночам, так что я справедливо решила убивать двух зайцев прямо в здании института, совмещая учебу и писательский эксперимент.

Выглядело это так.

Задумывала я тогда как раз «Основы женского шарма». Богатая риелторская практика дала мне немало историй, а безудержная фантазия сплела это все в какой-никакой сюжет. Комедия – да и только!

Я писала на маленьком ноутбуке, который помещался в рюкзак. Заметки и лекции я также записывала или, вернее, запечатывала в ноутбук. За прошедшие годы все давно привыкли к тому, что я тихонечко что-то строчу себе, сидя за первой партой. В конце концов, я же не безобразничала на лекциях!

Помню, это был курс по земельному праву, и наш преподаватель, случайный в юриспруденции человек, не предъявлял к нам высоких требований. Он придерживался учебника, а поэтому конспектировать его не было особенной необходимости, все можно было прочитать. Так что я писала на его лекциях книгу. А надо заметить, что когда я пишу, то глубоко погружаюсь в происходящее, словно проваливаюсь в параллельный мир. И в то же самое время каким-то боковым зрением и слухом я умудрялась отслеживать, говорит или молчит преподаватель. Если он говорил – я печатала, а если замолкал – я останавливалась и просто продумывала про себя, какие предложения будут следующими. Или перечитывала уже написанное.

И вот, случилось ему, нашему преподу, на одной лекции отвлечься от темы и удариться в воспоминания о своей службе в Вооруженных силах и о том, какие хорошие это были денечки – и вообще, как много было раньше интересного и поучительного. Уж не знаю, как и почему он «соскочил» с земельного права на тему своего богатого событиями прошлого, но этот факт кардинальной смены темы полностью прошел мимо моего сознания. И я продолжала печатать. Я сидела прямо перед ним. Преподаватель начинал говорить, я начинала быстро печатать. Он замолкал, я останавливалась. Он заговаривал снова – я принималась бить по клавиатуре. Класс принялся шушукаться за моей спиной, кто-то не мог сдержать смех. Краем уха я обратила внимание на то, что все идет как-то не совсем нормально, но я была так сильно погружена в сцену, что решила не отвлекаться.

Только через полчаса я бросила короткий взгляд на преподавателя. Он стоял практически передо мной, красный, какой-то взволнованный и немного запинаясь, зачитывал учебник. Я пожала плечами и продолжила печатать.

Он посмотрел на меня с негодованием.

После лекции ко мне подошли девчонки с параллельного курса, вместе с которыми у нас шло земельное право.

– Ты что, правда всю эту муть записывала? – спросила одна из них.

– Какую конкретно муть? – забеспокоилась я.

– Про то, как у них на дороге крышки люка не было, и их «Урал-375» колесом туда попал, – пояснила коллега.

– И про то, как они марш-бросок делали ночью под Самарой? – добавила другая девчонка.

Только тут до меня дошло, почему преподаватель смотрел на меня таким затравленным взглядом. Он, бедный, решил, что я, долбанутая на всю голову студентка, записываю за ним дословно все его армейские байки! И делаю это с совершенно серьезным лицом.

– А, нет. Я книжку пишу, девчонки! – ответила я с улыбкой.

– Да? Ну, слава богу, а то мы подумали, что ты либо над ним издеваешься, либо совсем тронулась. А дашь почитать? Собственно, ради этих слов я и писала книжки.

«Дашь почитать?». Ну, конечно. И, если можно, я буду стоять за спиной и ловить каждую реакцию, каждую улыбку и вырвавшийся смешок. Потому что в первые годы моего сочинительства я, если быть честной, чувствовала себя как только что народившийся жеребенок, который и ходить-то толком не умеет, и на каждом шагу спотыкается… А если быть до конца честной, со временем это не так уж сильно и поменялось.

Мечты – обманчивая штука. Они манят тебя призрачным светом, переливаются, как ночное небо, освещенное северным сиянием. И ты думаешь: о, что бы я ни отдала, чтобы оказаться там! Как же там, должно быть, красиво и прекрасно! Вечное счастье, волнение и восторг…

А на деле: там холодно, нос отмерзает. И ехать далеко, и надо знать, как правильно одеваться. И билеты дорогие. Но все равно, оно того стоит, мое северное сияние. Сбывшаяся мечта – как выросшее дитя. Всегда немного грустно оттого, что все самые чудесные моменты уже позади и осталось только вспоминать.

Как было здорово, когда был сделан первый шаг! Сколько было надежд, когда вы впервые пересекли порог школы! Какие были амбиции! И как потом приходилось уговаривать математика не ставить вашей мечте двойку, чтобы не вышла тройка в четверти! И оставить мечты о Нобелевской премии…

А как мучительно долго шли детские утренники? И как теперь приятно пересматривать старые видеозаписи. Потому что

это – ваше прошлое.

Мое прошлое.

«Основы женского шарма» давно изданы, и я знаю, как много людей до сих пор смеется в голос над злоключениями Оли Петровой, моей героини, так похожей на меня в ту пору. Я даю интервью о том, что будет дальше, и будет ли новый фильм по моей книге, и планирую ли я написать сценарий.

Конечно да! Потому что каждый раз, когда я открываю для себя что-то новое, что-то незнакомое и интересное, я бросаю себе вызов. Смогу ли я сделать что-то из этого? *Просто попробовать. Для себя. Вдруг что-то получится*? Ведь бояться не надо. Нет никакого смысла бояться.

После чудовищного брака, из которого я еле вынырнула, как из болотной трясины, – в которую меня почти затянуло. И если бы я не поверила в себя, если бы я не захотела любви, не захотела бы сделать свою жизнь лучше, разве я нашла бы свой самый главный клад – мою семью?

Праздники, громкий смех, папа с ворчанием косит траву во дворе электрической косилкой. Маргаритка, моя дорогая дочь от первого брака, звонит, чтобы узнать, что у нас нового, и рассказать о нелегкой своей замужней жизни и, может быть, занять денег на что-нибудь важное. На водостойкие наушники, в которых можно слушать музыку в душе, которые она хочет подарить мужу. Настасья, моя вторая доченька, в своей комнате рисует картину для художественной школы. А сын принес двойку и боится сказать об этом отцу, моему второму мужу. Моему любимому мужу, с которым я живу уже почти двадцать лет.

Главный приз – семья, которая принимает меня такой, какая я есть. Со всеми моими сумасбродными идеями, одна из которых – начать играть в теннис почти в сорок лет. А чего такого? В конце концов, я же не виновата, что эта идея не пришла мне в голову раньше? И вообще – я была занята.

Зато здесь и сейчас эта игра приносит нам огромное удовольствие. Нам всем, потому что вся моя семья и часть друзей уже инфицированы теннисом – мой энтузиазм заразителен. Багажник моей машины – это склад теннисных ракеток и мячей. Дома только и разговоров, что о турнире Большого шлема Ролан Гаррос.

Папа говорит: «Опять Татьяне что-то в голову втемяшилось. Теперь никому жизни не будет». Даже ему. Он нам как тренер. Он нам мячики бросает. И я знаю, что в глубине души он рад, что мне вечно «что-то в голову втемяшивается», потому что именно

поэтому никому в нашем доме не приходится скучать. Эта вечная жажда нового делает наше бытие лучше.

Всю свою жизнь я балансирую между моими желаниями и моими невозможностями, старательно игнорируя последние. Люди пытаются дать определение, дать этому какое-то название. Они называют это оптимизмом. Моя мама убеждена, что это – упрямство, мой муж – что это что-то генетическое, какая-то мутация, какая-то слепая вера в себя и в то, что все будет хорошо. Но это не так. Все они ошибаются. Хотя, признаюсь, в чем-то они и правы. Оптимизм, упрямство, мутации. Всего понемногу. С верой в себя куда хуже, но зато я отлично умею «забить» на неприятности и не думать ни о чем. Все дело в другом…

Я умею хотеть, и я не останавливаюсь на полпути. Независимо от того, насколько велики мои шансы на успех. *Дорогу осилит идущий! Желание – отправная точка любых перемен*, главная и необходимая составляющая успеха. Синяя птица счастья не прилетит к восьмидесяти процентам людей, просто потому что они ничего не хотят по-настоящему. Им только кажется, что они только и делают, что хотят – денег, другой работы, еще пива, чтобы их наконец-то уже оставили в покое. Чтобы соседи перестали сверлить, чтобы кризис кончился. Чтобы каждому по способностям и чтобы было все, как в старые добрые…

Я хочу научиться играть в теннис. Да, почти в сорок лет. Да, не самый спортивный образ жизни. Писатель. Сидячая работа, лишний вес… Как говорят психологи, *все барьеры внутри нас*. Правда, они также считают, что все мои проблемы – из-за моих детских отношений с матерью, так что я отношусь к тому, что они говорят, с осторожностью. Делю все их выводы на десять. Глупость? Нет, не думаю.

Вся моя жизнь состоит из таких вот глупостей. Они-то и делают мою жизнь лучше, шаг за шагом, раз за разом помогая мне двигаться вперед, преодолевать очередной барьер. Так что если вам вдруг что-то эдакое «втемяшится в голову», не спешите отбрасывать как ненужный хлам. Может быть, именно оно и необходимо для того, чтобы сделать вашу жизнь лучше.